

Изданная в 1995 г. в Санкт-Петербурге несколько сумбурная, пестрая по уровню обработки материала и переполненная повторами пятитомная «Энциклопедия "Слово о полку Игореве"», призванная, по-видимому, заменить более выдержанный компактный и красочный однотомный краткий энциклопедический словарь М.Г. Булахова «"Слово о полку Игореве" в литературе, искусстве» [Булахов 1989], констатировала застой в изучении этого памятника древнерусской литературы, наступивший после 1950 г., когда в серии "Литературные памятники" под редакцией В.П. Адриановой-Перетц вышло издание "Слова о полку Игореве" с участием Д.С. Лихачева, до сих пор якобы "непревзойденное по своей обстоятельности и науч. значимости" [Энциклопедия... 1995, 3: 172]. Эта оценка едва ли справедлива по отношению к многим работам по изучению и изданию "Слова о полку Игореве": наряду с некоторыми срывами и промахами в этой области были несомненные успехи, к числу которых хочется отнести и вышедшую недавно в США книгу нашего соотечественника М.Ф. Мурьянова «"Слово о полку Игореве" в контексте европейского средневековья».

Составившая целый годовой том IV/1996 международного славистического журнала "Palaeoslavica" монография известного русского филолога широкого профиля Михаила Федоровича Мурьянова (1928–1995) посвящена лексике, фразеологии и поэтике "Слова о полку Игореве" и представляет собой разыскания о наиболее "темных местах" этого окутанного тайнами памятника древнерусской литературы XII века, который получил лаконичную историко-культурологическую характеристику в редакторском предисловии О.Н. Трубачева "О XII веке и последующих веках" (с. 7–13), дающем как бы общий культурно-исторический фон для понимания посмертного труда М.Ф. Мурьянова.

В "Предисловии автора" (с. 15–17) подчеркивается, что господствующие в обширнейшей современной литературе о "Слове о полку Игореве" самые разнообразные подходы к интерпретации этого таинственного древнерусского художественного произведения почти полностью исчерпали себя. М.Ф. Мурьянов возлагает большие надежды

на последовательно проводимую этимологиическую методику на фоне широкого контекста европейского средневековья с пристальным вниманием к исторически изменчивым семантике и – особенно! – к символике слов и предметов в ту весьма отдаленную от нас эпоху, с которой нас связывают исключительно слова, одновременно нас от нее отделяющие возможностью их неисторического использования.

Сама книга М.Ф. Мурьянова состоит из основных девяти более или менее самостоятельных обширных этюдов о трудных для понимания местах все еще не постигнутого памятника. Этюды разбиты на три группы по три этюда в каждой, между которыми помещены два э к с к у р с а о словах и символах, к "Слову о полку Игореве" непосредственного отношения не имеющих: "Из истории славянских цветообозначений" (с. 58–75) и "Древнерусские модели времени" (с. 147–168).

В первой тройке этюдов: "Копье Рюриковича", "Ночная мгла" и "Гнѣздо" (с. 19–57) – рассматривается возможное символическое содержание не только вынесенных в название рубрик слов, но и связанных с ними не только контекстно (синтагматически), но и ассоциативно (парадигматически). В замысловатой фразе заглавного героя "Слова о полку Игореве": *хощу бо... копѣе приложити конецъ поля Половецкаго* – не вполне ясными символами являются лексемы *копье*, *конец* (граница) и *поле*, от выяснения значения которых и зависит понимание содержания всей загадочной фразы.

Среди примеров использования копья в качестве символа фигурирует метание копья на территорию противника или в его сторону в ритуале объявления войны или в начале сражения (с. 23–25), однако ритуальное ломание копья медиевистами до сих пор не было отмечено, и потому М.Ф. Мурьянов сосредоточил внимание на символическом значении границы (*конецъ поля*), высказав по этому поводу целую серию интересных соображений. Но это едва ли нужно было бы делать, если бы своевременно было обращено внимание на чисто фольклорный рассказ, отразившийся в поздней западно-русской Хронике Литовской и Жмоитской (под 1375 г.) и у польского историка XVI в.

Матвея Стрыйковского (под 1332 или 1333 гг.), о ритуальном ломании копья Ольгердом после апокрифического успешного похода на Москву; по-видимому, копье ломалось с чисто символическими целями как уже ненужный предмет вооружения. Правда, М. Стрыйковскому был известен и другой вариант предания, который отмечен также в западнорусских Евреиновской летописи и Хронике Быховца: согласно этому варианту, Ольгерд свое копье не сломал, а символически приклонил или прислонил его к городу.

Аналогичный ритуал ломания копья после победы над врагами зафиксирован и в Библии (Псалт. LXV, 10), но в славянском переводе с греческого здесь фигурирует *оружие* (как эквивалент греч. *ὄπλον* в переводе LXX), в связи с чем говорить о библеизме в "Слове" и западнорусских источниках не приходится.

Выявление скрытых от наших современников аллюзий составляет содержание следующей триады этюдов: "Владимира *нелъзъ бѣ призводити*", "О каком времени пели красныя дѣвы?", "Ярослав Галицкий и его времени" (с. 76–146). Наиболее загадочным из разбираемых образов являются *готскія красныя дѣвы*, которые *въспѣша* по поводу поражения Игоря и в связи с которыми Н.М. Карамзин, по мнению М.Ф. Мурьянова, «выразил недоверие к тексту издания в интересующем нас месте, как это видно по его пересказу-переводу "Слова о полку Игореве": "Половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен и девицы их поют веселые песни на берегу синего моря, звеня русским золотом"» (с. 96–97). М.Ф. Мурьянова особенно смущало слово *готскія*, «как это значит в первопечатном тексте "Слова о полку Игореве". Но это ли слово стояло в рукописи, разборчиво ли оно было написано, не прочитали ли публикаторы то, что им хотелось прочесть, и почему с этим прочтением не согласился Н.М. Карамзин?» (с. 99). Готов, по мнению М.Ф. Мурьянова, Древняя Русь знала плохо, однако «когда готовилась первая публикация "Слова о полку Игореве", русское общество имело некоторое представление и об истинных готах Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов: об этих готах писал, в частности, С.С. Бобров ("Херсонида". 1798–1804). Здесь остатки готов действительно обитали во время Игоревы похода, когда в Европе уже никто не считал себя готом. Этот исторически достоверный факт доныне тревожит воображение – и питает пустую надежду, что

именно их имел в виду поэт "Слова о полку Игореве"» (с. 100).

В послесловии к книге М.Ф. Мурьянова ее издатель А.Б. Страхов пошел еще дальше и увидел в этих словах покойного автора вынужденную попытку «заговорить об издательских вставках в текст ("Готскія дѣвы")» (с. 234) древней поэмы.

Со всем этим, однако, нельзя согласиться по целому ряду причин. Во-первых, Н.М. Карамзин вполне убедительно, хотя и без особых обоснований в *красных готских девах* чисто поэтическим чутьем уловил *дев половецких* (у Карамзина *д е в ы ц ы и х*), никак не выразив сомнения в тексте. Во-вторых, правильность этого интуитивного отождествления половцев с готами может быть подтверждена указанием австрийского дипломата XVI века Сигизмунда Герберштейна (1486–1566) на существовавшие тогда в русской историографии взгляды о генетической связи готов и половцев: "Русские утверждают, будто половцы – это готы, но я не разделяю этого мнения" [Герберштейн 1988: 165 (упоминание здесь готов в указателе не отражено)].

Сохранявшееся даже в XVI в. представление о тождестве готов и половцев, обитавших на одной и той же территории Северного Причерноморья соответственно в III–IV вв. и XI–XIII вв., было, судя по всему, гораздо более живым в эпоху "Слова о полку Игореве", когда половцы реально проживали на той же территории, где раньше обитали готы.

М.Ф. Мурьянов высказывает возражения против широко распространенного толкования *времени Бусова*, о котором пели "готские" девы, как времени антского царя (гех) *Боза*, и указывает, что автором этого легкомысленного объяснения были не Е.М. Огоновский (1876 – распространением этой ошибочной атрибуции мы обязаны Д.С. Лихачеву) и не Н.Г. Головин (1846), как настаивает «Энциклопедия "Слова о полку Игореве"», а польской публицист Андрей Кухарский, мнение которого зафиксировал, воздержавшись от оценки. П.И. Шафарик в своих "Славянских древностях" (1837). За именем антского царя *Боз (Boz)* у готского историка Иордана (551 г.) скрывается или славянское адъективное имя типа **Božъ*, как думает М.Ф. Мурьянов (с. 98–99), или же титул типа **Vodjъ* (= русск. *вождь*, *вожь*), как думает О.Н. Трубачев (с. 101).

Вполне понятны также соображения М.Ф. Мурьянова, обошедшего многозначительным молчанием известную ему относительно новую и чисто дилетантскую попыт-

ку М.А. Салмина объяснить таинственное *время Бусова* как производное от зафиксированного в памятниках XV–XVIII вв. названия корабля *буса*. Замечу, что в сочувственном отношении к этой этимологии, возводящей *время Бусово* к популярному в XVII в. корабельному термину *буса*, солидаризовались такие антагонисты в изучении "Слова", как А.Л. Никитин и Д.С. Лихачев. И хотя эта неожиданная и экстравагантная новинка уже вызвала решительную критику [Карсанов 1988: 223; Добродомов 1996: 82–83], ей, скорее всего, предстоит стать основой для нового всплеска скептицизма в отношении многострадального памятника: сочетание 'эпоха бус' (*время Бусово*) могло бы возникнуть только тогда, когда бусы уже исчезли, но память о них была еще жива, т.е. в XVIII веке. Впрочем, этих следствий опрометчивые "гипотизеры" не учли, не затронул их и М.Ф. Мурьянов.

На обильном материале семантических параллелей из разных эпох и регионов, связанных с разными этносами и языками, построены этюды заключительной триады – "О древнерусском плаче", "Кликну, стукну земля", "Игорь-горностай" (с. 169–205). Благодаря этому получает освещение своеобразие древнерусских символов и образов "Слова", имеющих аналогии как в древности, так и в средневековье у разных народов мира.

Заключительный этюд "Эсхатологическое. Кому и чего не минути?" (с. 206–211) посвящен анализу соотношения языческих и христианских взглядов на понятие *божий суд* у разных средневековых народов.

После "Указателя имен" (с. 212–220) находятся послесловие издателя А.Б. Страхова «О М.Ф. Мурьянове и о "Слове о полку Игореве"» (с. 221–240), а также "Список трудов М.Ф. Мурьянова" (с. 241–249), насчитывающий 159 публикаций, отражающих широту филологических и исторических интересов автора (более полный и точный список см. [Библ. 1996]).

М.Ф. Мурьянов по странным причинам не попал в пятитомную «Энциклопедию "Слова о полку Игореве"», хотя неоднократно и притом весьма профессионально касался проблем, связанных с этим интереснейшим памятником, и высказал по их поводу немало оригинальных суждений в своих многочисленных трудах. Характерно, что одновременно с рецензируемой книгой в Москве в издательстве "Наследие" появилась книга о символах и аллегориях у А.С. Пушкина [Мурьянов 1996], где не раз упоминается "Слово о полку Игореве", причем не только

в качестве интересных параллелей к Пушкинским символам, как в случае с "кричащими" телегами "Слова" в связи с "Телегой жизни" [Мурьянов 1996: 173], но и как объект отдельного обстоятельного истолкования (ср. рассуждения М.Ф. Мурьянова об аллегорико-символических выражениях "Слова", таких как *растѣкается мыслью по древу*, об упоминании лебедя в этом памятнике или о характеристике курских крестьян-ополченцев (*къмети*) [Мурьянов 1996: 49–54, 74–82]. Эти интересные образы "Слова о полку Игореве" привлекали внимание А.С. Пушкина, и это дает М.Ф. Мурьянову право комментировать соответствующие места "Слова" в своей пушкиноведческой книге.

Лексика, фразеология и символика "Слова о полку Игореве" освещается разнообразными параллелями из современных этому памятнику XII века литературных, исторических и философских сочинений, относящихся к различным этническим и государственным традициям Западной Европы, а также параллелями библейского Востока, который через Св. Писание отражался и в западноевропейской культуре и литературе.

Обилие фактического материала сочетается с неожиданными аспектами его освещения, где совершенно внезапно и непредсказуемо внимание исследователя сосредотачивается на неких деталях, которые оказываются не такими уж незначительными и второстепенными, как представляется на первый взгляд. Интересное обсуждение поднимаемых в книге вопросов усиливается дополнительными соображениями или уточнениями, которые высказываются редактором и издателем в специальных примечаниях, надежно отделенных от авторских. В этом плане авторская книга М.Ф. Мурьянова приобретает характер диалога трех ученых, заинтересованных в установлении истины, где в диалог с автором вступают О.Н. Трубачев и А.Б. Страхов, высказывающие обычно дополнительные соображения в пользу мнения автора или против него. При общем сочувствии редактора и издателя идеям М.Ф. Мурьянова в позициях всех троих имеются и существенные различия. Жаль только, что в этих интереснейших разговорах последнее слово уже не может принадлежать М.Ф. Мурьянову.

При изучении языка и символики такого детально изучаемого в течение почти двух веков памятника, каким является "Слово о полку Игореве", обойтись без полемики невозможно. М.Ф. Мурьянов ведет ее неуго-

мимо и язвительно, особенно с застойными мнениями, которые (при некоторой лабильности!) бездумно тиражируются. Затрагивает М.Ф. Мурьянов и неудачные мнения многих авторитетов, которые он также не без сарказма критикует.

На этом фоне огорчительно воспринимается те несколько неожиданные случаи, когда М.Ф. Мурьянов вдруг повторяет чужие ошибки, как это произошло в частности с толкованием фразы Плача Ярославны касательно неблагосклонности Солнца по отношению к воинам Игоря, которое "*В полѣ безводнѣ жаждею имѣ лучи съпряже*" (с. 39 первого издания). М.Ф. Мурьянов соглашается с переводом своего хронического антагониста Р.О. Якобсона *иссушил(о) им жаждою луки*, добавляя, что «эта точка зрения основана на выведении аориста (*съ*)пряже не от глагола *прягу*, *пряжи* (следовательно бы восстановить и чисто русскую форму инфинитива *прячи* – И.Д.), а от *прягу*, *пряжити* "жарить, поджаривать"» (с. 180). В действительности от глагола *пряжити* настоящее время будет *пряжу* (1 л. ед.), а форма аориста *пряжи* (3 л. ед.). Кроме того, едва ли возможно тождество *иссушить* и *изжарить* применительно к боевому оружию.

Вступая в спор со многими, М.Ф. Мурьянов не боится выставить свои соображения на обсуждение. В экскурсе "Древнерусские модели времени" он высказывает сожаление о том, что до сих пор не получила обсуждения высказанная им в 1978 г. идея о том, что в названии *Повесть временных лет* фигурирует определение *временный* как обозначение "лет преходящих" перед лицом вечности. Но дискуссия после длительной подготовки все-таки началась: кроме указанных в примечании издателя статей А.А. Гippiуса [1991–1992] и Г.Г. Ланта [Lunt 1997], появилась статья И.Н. Данилевского [1995], где обсуждается возможность возникновения подчинительной определительной конструкции *временная лѣта* на базе сочинительной *времена и лѣта*. Но во всех этих суждениях не учитывается многозначность существительного *лѣто*, которое обозначало и "теплый сезон годового цикла", и "возраст человека (и животного)" (*въ молодыхъ лѣтъхъ*), и "время, эпоху" и даже "юг". В названии *Повесть временных лет* согласованное определение выделяет у определяемого слова значение "год" и, может быть, "эпоха", что позволяет объяснить название памятника значительно проще.

Живо и остро написанная книга М.Ф. Мурьянова вносит много нового и интересного в изучение языка и стиля "Слова о полку Игореве", показывая тем самым, как быстро устаревают вышедшая за год до этого "Энциклопедия", с упоминания которой началась наша рецензия.

М.Ф. Мурьянов трудился, опережая издательские возможности, поэтому в его архиве есть целый ряд уже готовых работ, которые должны быть доведены до читателей. Особенно много он работал над гимнографическим наследием Древней Руси, готовя к изданию древнейшие служебные Минеи, одну из которых – так называемую "Путятину Минею" XI в. – обещает опубликовать журнал "Palaeoslavica", а сохранившаяся лишь фрагментарно Минея Дубровского, тоже XI в., с 1989 года ждет под редакцией проф. Г. Роте своей публикации в Бонне в серии "Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven". Как видно из обзора всех филологических материалов, появившихся за четыре года в новом журнале "Palaeoslavica", это издание вполне оправдало надежды своего издателя. Журнал, объединивший многих славистов-медиевистов, не только вводит в научный оборот новый материал, но и активно пересматривает старый, будучи открытым для дискуссий и обсуждений, ставших характерным признаком уверенно заявившего о себе издания. Своеобразие его в значительной степени определяется личностью его издателя: А.Б. Страхов – ученый самого широкого профиля, не боящийся острых дискуссий, хотя их острота в некоторых случаях могла бы быть несколько усмирена, хотя бы по части резкости формулировок. Например, по поводу отсутствия комментариев «в советском издании 1950 года "Повести временных лет", в остальном дающем довольно подробный комментарий" (V. IV: 93), издатель делает едва ли справедливое замечание: "На мой взгляд, отсутствие комментария объясняется не идеологическими причинами и соображениями, а просто невежеством комментатора". Я думаю, что здесь более подходило бы ссылаться на легко исправимую неосведомленность, но отсутствие комментариев соблюдено и почти полвека спустя в издании 1996 г., поэтому неосведомленность может быть хронической.

Весьма отродно, что в наше время пренебрежения фактами и увлечения смутными теориями точность и доказательность поставлены во главу целого периодического издания, причем журнал "Palaeoslavica" в этом отношении не одинок: на год позже

(1994) в Москве появился двуязычный журнал по русской и теоретической филологии "Philologica" (уже вышло три годовых тома), который пытается распространить требование точности и на историю литературы трех последних столетий, что знаменует тоску филологов по акрибии, в свое время во многом вытесненной структуралистскими манипуляциями. Примечательно, что, совершенно в духе времени, обычно неповоротливая академическая лексикография в лице авторов двадцатитомного "Словаря современного русского литературного языка" предусмотрительно поспешила убрать за ненадобностью из языка и само слово *акрибия*.

Во время подготовки к публикации этого материала вышел в свет 5 том журнала "Palaeoslavica", который достойно продолжает намечившиеся линии журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библ. 1996 – Библиография опубликованных трудов М.Ф. Мурьянова (1959–1996) // *Philologica*. 1996. Т. 3 (№ 5/7).

- Булахов М.Г. 1989 – "Слово о полку Игореве" в литературе, искусстве, науке. Краткий энциклопедический словарь / Под ред. чл. корр. АН СССР Л.А. Дмитриева. Минск, 1989.
- Герберштейн С. 1988 – Записки о Московии. М., 1988.
- Гиппиус А.А. 1991–1992 – "Повесть временных лет": О возможном происхождении и значении названия // *Cyrtillomethodianum* XI–XVI. Thessalonique. 1991–1992.
- Данилевский И.Н. 1995 – Замысел и название "Повести временных лет" // *Отечественная история*. 1995. № 5.
- Добродомов И.Г. 1996 – *Время Бусово* в "Слове о полку Игореве" и *время бус* в XVII веке // *Русский филологический вестник*. Т. 81. № 2. М., 1996.
- Карсанов А.Н. 1988 – К вопросу о "времени бусовом" в "Слове о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве". Комплексные исследования. М., 1988.
- Липт Н.Г. 1997 – *Повѣсть врѣменныхъ лѣтъ? оу Повѣсть врѣменъ и лѣтъ?* // *Palaeoslavica*. V. V/1997.
- Мурьянов М.Ф. 1996 – Из символов и аллегорий Пушкина. М., 1996 (= Пушкин в XX веке. Вып. II).
- Энциклопедия. 1995 – Энциклопедия "Слово о полку Игореве". СПб., 1995. Т. 1–5.

И.Г. Добродомов